

УДК 330.1:330.3:332.1:378(470.61)
JEL: I2, O1, O18, O40, P25, R11

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1563-1578>

А. И. МАСКАЕВ¹,

П. О. САВКО¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Контактное лицо:

Маскаев Артем Ильич, преподаватель, экономический факультет, Южный федеральный университет

Адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88, тел.: +7 (863) 250-59-57

E-mail: maskaev@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7431-6978>

Савко Павел Олегович, младший научный сотрудник, лаборатория «Институциональный анализ экономики», Южный федеральный университет

Адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88, тел.: +7 (863) 250-59-57

E-mail: savko@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3228-826X>

Цель: формулирование принципов реформирования данной отрасли и идентификация взаимосвязи между реорганизацией университетов и индикаторами социально-экономического развития региона.

Методы: анкетирование, проведение глубинных интервью, эконометрическое моделирование, дополнение модели Балацкого.

Результаты: теоретическими рамками текущих реформ в сфере отечественного высшего образования выступает, с одной стороны, концепция нового менеджмента в общественном секторе (*new public management – NPM*), предполагающая реализацию рыночных механизмов в управлении вузами, а с другой стороны, тенденции и условия развития экономики знаний – современного этапа постиндустриального общества. В статье представлены результаты анализа подходов к концепции *NPM*, определены ее существенные характеристики, а также особенности внедрения в систему высшего образования, указаны основные причины и векторы преобразований в высшем образовании. В контексте проанализированных научных работ в современном западном и российском дискурсе большое внимание отведено «третьей миссии» университета. Рассмотрены теоретические разработки по идентификации взаимосвязи между реформами в высшем образовании и социально-экономическим развитием региона. Представлены результаты анализа организационных изменений и оценки вклада реформированных вузов в экономику региона на примере Ростовской области, полученные на основе анкетирования и проведения глубинных интервью, а также применения модифицированной модели Балацкого. Сформулированы выводы о проблемах проводимых реформ с точки зрения преподавательских и управленческих кадров реформированных вузов.

Научная новизна: концептуальные выводы авторов позволяют дополнить оригинальную институциональную теорию в области взаимосвязи институциональных изменений и экономического развития, в том числе предложено применение модели Балацкого для количественной метрики результирующих эффектов от изменений в сфере высшего образования в социально-экономическом развитии региона.

Практическая значимость: результаты исследования имеют потенциал применения при разработке реформ в рамках реализации плана мероприятий (дорожной карты) Правительства РФ «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки».

Ключевые слова: социально-экономические аспекты развития высшего образования; сфера высшего образования; реорганизация вузов; экономика знаний; *NPM*; институциональные изменения; экономическое развитие региона

Благодарность: работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России № 26.6124.2017/8.9 «Идентификация институтов и организационных механизмов слияния вузов в контексте социально-экономического развития региона».

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Маскаев А. И., Савко П. О. Роль институциональных изменений в сфере высшего образования в социально-экономическом развитии региона (на примере Ростовской области) // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С. 1563–1578. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1563-1578>

A. I. MASKAEV¹,

P. O. SAVKO¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ROLE OF INSTITUTIONAL CHANGES IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION IN THE SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A REGION (BY THE EXAMPLE OF ROSTOV OBLAST)

Contact:

Artem I. Maskaev, lecturer, Faculty of Economics, Southern Federal University

Address: 88 Gorkogo Str., 344002 Rostov-on-Don, tel.: +7 (863) 250-59-57

E-mail: maskaev@sfnedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7431-6978>

Pavel O. Savko, Junior Researcher, Laboratory “Institutional analysis of economy”, Southern Federal University

Address: 88 Gorkogo Str., 344002 Rostov-on-Don, tel.: +7 (863) 250-59-57

E-mail: savko@sfnedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3228-826X>

Objective: to formulate the principles of reforming the industry and to identify the relationship between the universities reorganization and the indicators of socio-economic development of a region.

Methods: questionnaires, in-depth interviews, econometric modeling, supplementation of Balatsky model.

Results: the theoretical framework of the current reforms in the sphere of national higher education is, on the one hand, the concept of new public management (NPM), which assumes the implementation of market mechanisms in the management of universities, and on the other hand, the trends and development conditions of knowledge economy – the modern stage of post-industrial society. The article presents the results of the analysis of approaches to the NPM concept, identifies its essential characteristics, as well as features of implementation in the system of higher education, identifies the main causes and vectors of transformations in higher education. In the context of the analyzed scientific works in the modern Western and Russian discourse, much attention is given to the “third mission” of university. Theoretical developments in interrelation between higher education reforms and social and economic development of the region are considered. The results are presented of analysis of organizational change and evaluation of the contribution of the reformed universities in the regional economy by the example of Rostov region, obtained from questionnaires and in-depth interviews and using a modified Balatsky model. Conclusions about the problems of the reforms from the viewpoint of teaching and managing personnel of the reformed universities are formulated.

Scientific novelty: the conceptual conclusions of the authors allow supplementing the original institutional theory in the field of the relationship between institutional changes and economic development, including the proposed application of Balatsky model for quantitative metrics of the resulting effects of changes in higher education in the socio-economic development of a region.

Practical significance: the research results have potential application in the development of reforms in the framework of the action plan (roadmap) of the government of the Russian Federation “Changes in social sphere aimed at improving the efficiency of education and science”.

Keywords: Socio-economic aspects of higher education development; Higher education; Reorganization of universities; Knowledge economy; NPM; Institutional changes; Economic development of a region

Acknowledgement: the research was carried out within the state order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 26.6124.2017/8.9 “Identification of institutions and organizational mechanisms of universities merging in the context of social-economic development of a region”.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Maskaev A. I., Savko P. O. Role of institutional changes in the sphere of higher education in the social-economic development of a region (by the example of Rostov oblast), *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, Vol. 13, No. 4, pp. 1563–1578 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1563-1578>

Введение

Модернизация высшего образования и науки в России сопровождается адаптацией новых институтов и организационных механизмов, подвергающихся внутренним и внешним изменениям. Вектор данных преобразований в качестве теоретико-методологических рамок опирается на принципы нового государственного управления и концепцию «экономики знаний» как завершающей стадии постиндустриального развития общества (подраздел «**Теоретические рамки реформ в сфере высшего образования**»).

Адептами образовательных реформ выступают, в частности, реорганизованные университеты, получившие новые статусы, отражающие их особое значение и региональную миссию. Формы взаимосвязи между институциональным проявлением реформ в образовании и региональной экономикой являются недостаточно изученными. В контексте проводимых государством организационных и институциональных изменений в сфере российского высшего образования исследовательская цель заключается в выявлении принципов реформирования данной отрасли и идентификации взаимосвязи между реорганизацией университетов и индикаторами социально-экономического развития региона.

Теоретические разработки зарубежных ученых по данному вопросу представлены в подразделе «**Поиски взаимосвязи между деятельностью вузов и социально-экономическим развитием регионов**». Авторами обобщены научные разработки исследователей инноваций (Кузнец, Ицковиц), школы человеческих ресурсов (Шульц), институционализма (Веблена и др.), выявивших «третью миссию» университета. На основе модели Балацкого была предложена новая методика измерения данной взаимосвязи между институциональными изменениями в реорганизованных вузах и социально-экономическим развитием Ростовской области (подраздел «**Результаты исследования. Вклад высшего образования в экономику региона**»).

Теоретические рамки реформ в сфере высшего образования

Управление в сфере высшего образования как на институциональном, так и на системном уровнях претерпело существенные изменения в течение последних десятилетий в результате целого ряда мировых тенденций и глобализационных процессов, таких как массовость образования, рост числа специальностей, рыночно-ориентированность образовательных институтов, реформирование государственного сектора и становление экономики знаний и общества. В рамках современной повестки дня принципы нового государственного управления (*New public management – NPM*) и экономики знаний (*knowledge economy*) стали лозунгами и политической реальностью в управлении высшим образованием во многих странах мира, включая Россию.

Концепция *NPM* представляет собой целенаправленный вектор изменений парадигмы управления государственным сектором, начавшихся в 1970-х гг. во многих развитых странах [1]. По мнению С. Hood, предпосылками для возникновения данного подхода было недовольство господствовавшими патерналистскими подходами со стороны государства к общественному сектору, в том числе к сфере высшего образования. Излишняя бюрократизация, централизация в государственном секторе привели к неэффективности, негибкости системы правления. S. Osborne определяет основную гипотезу *NPM* следующим образом: «Практики управления частным сектором могут быть использованы для повышения эффективности в государственном секторе» [2].

Несмотря на национальную специфику реализации подхода *NPM* в различных странах и регионах, можно выделить несколько его существенных характеристик. К таковым относятся:

- смещение акцента с директивной политики управления на управленческие навыки и компетенции;
- переход от механических равновесных структур к органическим. В частности, объектом управленче-

ской деятельности становится результат деятельности, а не сама деятельность;

– от неустойчивых и устаревших управленческих иерархий необходим переход к конкурентным структурам, основанным на эффективных контрактах.

Брокер и Петер отмечают, что внедрение *NPM* в сфере высшего образования «попало под зонт неолиберального университета» [3] в противовес классическим, традиционным университетам. В научном дискурсе существуют различные классификации университетов, в частности, созвучно промышленным революциям С. Ефимов выделял «Университет 1.0», «Университет 2.0», «Университет 3.0» и «Университет 4.0» [4]. С точки зрения институционализма большой интерес представляет типология университетов, предложенная М. Rustin [5]:

- «старый гуманист» (*old humanist*);
- «промышленный тренер» (*industrial trainer*);
- «демократический педагог» (*democratic educator*).

Концепция «старый гуманист» направлена на сохранение ценностей «культуры» против промышленного материализма, искажения и разведения коммерческой массовой культуры. По мнению А. Alesina, культурные факторы определяют многие экономические решения, они даже влияют на скорость развития и богатства наций [6].

Концепция «промышленный тренер» видит предназначение образования, по существу, в обеспечении рабочей силой, необходимой для рыночной экономики, навыками и чертами «социального характера» [7]. В данной концепции превалирует роль вузов как субъекта рынка труда в отдельных регионах и государствах.

Концепция «демократический педагог» связана с расширением полномочий и сферы деятельности как самих вузов, так и сферы высшего образования в середине XX в. в послевоенной Европе. Либерализация и демократизация общества комплексно отразилась на образовании как смешанном общественном благе.

Применительно к внедрению принципов *NPM* в сфере высшего образования De Boer, Enders, Schimank предложили модель «управленческого уравнителя» (*general governance equalizer*), базирующуюся на двух основных предпосылках [8]:

– управление высшим образованием является экономически интенсивным, и экономический спад привел к сокращению государственных расходов

на данную отрасль экономики в большинстве стран (высокая корреляция с динамикой расходов на сферу здравоохранения);

– глобализация оказала влияние на способ регулирования высшим образованием и на принципы управления в самих высших учебных заведениях; при этом география стратегических интересов и образовательно-коммерческой деятельности вузов должна постоянно расширяться и углубляться.

«Управленческий уравнитель» представляет собой оценку динамики пяти параметров (государственное регулирование, управление со стороны участников и правообладателей, академическое саморегулирование, управленческое саморегулирование и конкуренция) путем интервьюирования и анкетирования акторов образовательного процесса [9]. На основе данной методики, представляющей собой комбинацию состояний пяти компонент в конкретном регионе в конкретный момент времени, проведены последние научные исследования об организационных изменениях в сфере высшего образования в разных регионах, в частности, М. Вауер с соавторами исследовали принципы устойчивости управления вузами в Германии, опираясь на данную теоретическую модель [10].

J. Enders [11] и В. Jongbloed с соавторами отмечают, что высшее образование проходит несколько преобразований в условиях воздействия общей реформы государственного сектора: изменение роли государства, появление новых моделей социального спроса, глобальных потоков и отношений, а также новых технологий, которые становятся доступными [12]. Тем самым можно идентифицировать тесную двустороннюю взаимосвязь между реализацией подхода *NPM* и термином «экономика знаний».

Экономика знаний как современный этап развития постиндустриального общества предполагает систему институциональных и технологических изменений, что дает возможность определить рамки общественных дискуссий о роли знаний и высшего образования в экономике [13]. Для направления знаний в позитивное русло происходят изменения непосредственно в сфере высшего образования.

Принимая во внимания высокую скорость всего спектра изменений в обществе и в его технологическом укладе, не стоит полагать, что декларируемые цели при реформировании сферы высшего образования, разработке стратегий устойчивого развития региональными

и федеральными органами власти могут быть достигнуты исключительно за счет разработки образовательных стандартов, контролем за его соблюдением и созданием экономических стимулов. Для их реализации необходимы эффективные институциональные условия трансферта знаний и профессиональной подготовки.

Эксперты Всемирного банка S. Yusuf и K. Nabershima утверждают, что большинство технологических достижений, которые имеют экономические последствия, могут быть прослежены косвенно или непосредственно в университетах либо через предоставленную профессиональную подготовку, распространение знаний или выполнение прикладных и теоретических исследований [14].

Основные сегменты национальной экономики перешли от индустриальной экономики к экономике знаний, обусловленной научно-техническим прогрессом, особенно в таких развитых странах, как Германия, Япония, Великобритания и США. Индустриальная экономика не исчезла, а появилась новая форма глобальной экономики, которая все чаще принимает доминирующий характер. В частности, S. Slaughter и L. Leslie, исследуя образовательные реформы в США за период 1970–1995 гг., используют термин «академический капитализм» [15], дополняя трактовку нового менеджизма, характерного для NPM. Академики стали капиталистами, которые действуют как «субсидируемые государством предприниматели». Знания, собранные этими академическими предпринимателями, являются человеческим капиталом, который может быть продан на рынке, и с применением этих знаний в производстве устанавливается академический капитализм. В связи с этим высшее образование стало частью национального планирования экономического развития.

Вузы и их научно-педагогические работники должны были конкурировать, чтобы найти деньги для расширения своих возможностей для исследования. Кроме того, для преподавателей вузов важно привлечение абитуриентов контрактной формы и целевого обучения, для того чтобы обеспечить себя и коллег достаточной учебной нагрузкой.

Во многих странах, включая Россию, в значительной степени сложилась экономика, основанная на знаниях, что отражает растущую мощь компьютеризированных сетевых процессов, связанных с производством и управлением информацией и знаниями.

Нет единого подхода к наименованию современного этапа социально-экономического развития. Приведем примеры синонимичных терминов с указанием первой публикации и количества научных работ, посвященных их проблематике в базе Google Scholar на момент написания данной статьи:

- индустрия 4.0 [16] (2014 г. – 45 тыс. работ),
- веб 2.0 [17] (2009 г. – 425 тыс. работ),
- новая экономика [18] (1998 г. – 4 млн работ),
- информационная экономика [19] (1977 г. – 87,5 тыс. работ),
- цифровая экономика [20] (1996 г. – 2,7 млн работ).

В определенных ситуациях такой плюрализм связан с лингвистическими особенностями тех или иных языков, но в любом случае содержательная характеристика экономики знаний и упомянутых схожих по смыслу терминов предполагает, что глобальная экономическая трансформация тесно связана с изменениями в высших учебных заведениях и академическом сообществе, в результате чего наука и техника, наряду с научно-исследовательскими открытиями и конструкторскими разработками, приобретают центральное значение.

Поиски взаимосвязи между деятельностью вузов

и социально-экономическим развитием регионов

Исследованию взаимосвязи между функционированием вузов и социально-экономическим развитием регионов посвящено большое количество научных работ зарубежных и отечественных исследователей.

Первые теоретические разработки по идентификации роли высшего образования в экономическом развитии появились в связи с эволюцией теорий экономического роста. В частности, упоминания об образовании и его роли в экономическом развитии встречаются в работах S. Kuznets с соавторами [21], H. Etzkowitz с соавторами [22], специалистов по оценке человеческого капитала, таких как T. Schultz [23], E. Denison [24] и представителей других экономических школ. T. Schultz проводит аналогию между развитием человеческих ресурсов и накоплением капитала в индустриальном обществе как основой экономического развития путем привлечения инвестиций в сферу образования.

A. Maddison исследовал эффект расширения высшего образования в экономическом росте в западных

странах после Второй мировой войны и обнаружил усиление корреляционной связи между динамикой валового внутреннего продукта (далее – ВВП) и ключевыми показателями сферы образования как экзогенными факторами после 1970-х гг. [25].

Большую роль сыграли исследования Р. Ромера [26], Ж. Льюиса [27] и Р. Варро [28], в которых было доказано, что высшее образование является не экзогенным, а эндогенным переменным фактором для экономического развития. В частности, они выявили значимую корреляцию между средним периодом обучения студентов в вузе и ростом объема производства в отдельных отраслях промышленности. В дополнение к этому Д. Аутор, Л. Катц и А. Крюгер [29] рассчитали оптимальный срок обучения и подготовки специалиста для максимальной взаимосвязи между расходами на образование и ростом объема производства в американской промышленности с учетом стремительного внедрения информационных технологий, автоматизации производственных процессов – 7,5 лет.

В западном научном дискурсе активно применяется понятие «третья миссия» университета (*third mission*), содержательное наполнение которого заключается во многих дополнительных функциях

вузов и их акторов за пределами образовательной деятельности (*first mission*) и научных исследований (*second mission*). Социальная функция университета у Т. Веблена выступала в качестве одной из основных, но, по его мнению, имела и отрицательную сторону, являясь источником воспроизводства господствующей, реакционной элиты (рис. 1) [30, 31].

«Третья миссия» университета, в узком смысле, заключается в подготовке кадров: университет может представлять собой кадровый интегратор, но эффект изменений в сфере образования происходит с большим временным лагом – до 10 лет необходимо на обучение студента, формирование компетенций, приобретение квалификации, и только после этого его можно отнести к готовому специалисту. Кроме того, имеется риск структурных изменений в конъюнктуре рынка труда, что может привести к невостребованности будущих выпускников на региональном рынке труда. В такой ситуации выпускник вынужден пере-квалифицироваться либо эмигрировать, что имеет негативные последствия для региона. К узкой трактовке «третьей миссии» университета можно отнести приток абитуриентов как повышение покупательного спроса в регионе.

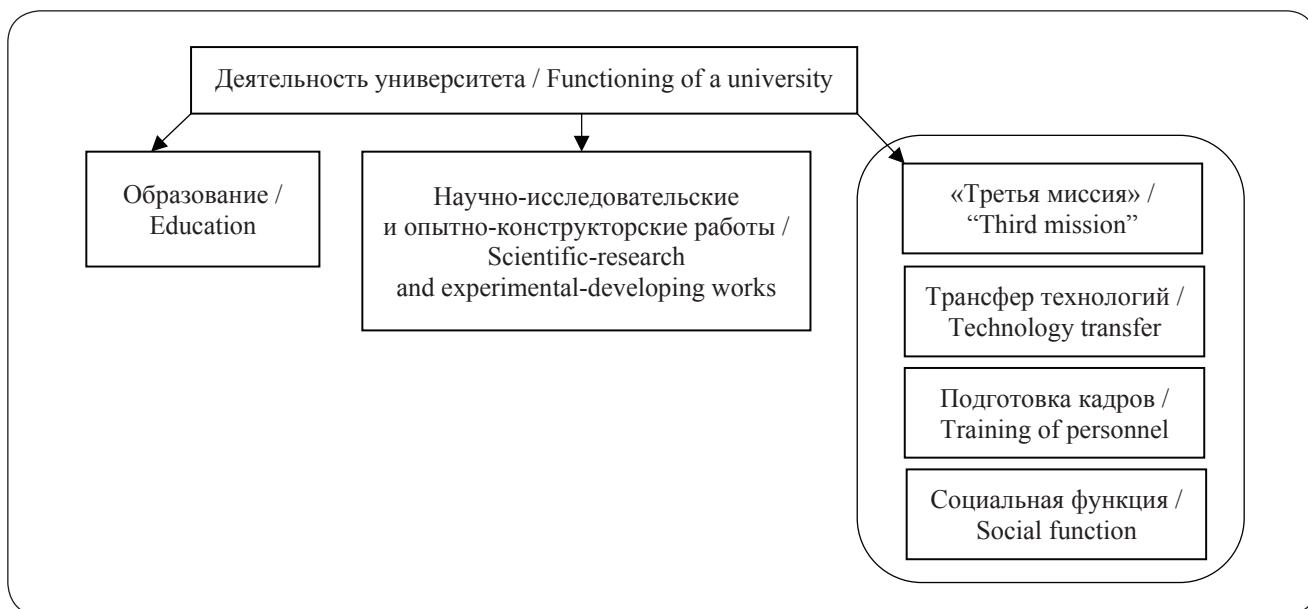

Рис. 1. Три основные миссии университета

Источник: [32] с небольшими корректировками.

Fig. 1. Three key missions of a university

Source: [32] with minor corrections.

Результаты исследования

Вклад высшего образования в экономику региона

Для анализа организационных изменений и оценки вклада реформированных вузов в экономику региона авторами было проведено два анкетирования: преподавателей (138 респондентов) и студентов (250 респондентов) из государственных и частных вузов Ростовской области. Также было проведено 10 глубинных интервью с акторами реформированных вузов, которые стали свидетелями слияний и поглощений и занимают административные должности в новообразованных учреждениях. Проанализированы отчеты ректоров Донского государственного технического университета и Южного федерального университета. Данные этих отчетов представляют основные сведения о деятельности вузов в период преобразований.

Для оценки вклада высшего образования в экономику региона предполагается использование дополненной модели для расчета научно-технического баланса, предложенной Балацким, Ушаковой, Малаховым и Юревичем [33, 34] (значительный интерес применительно к региональному развитию представляет также другая модель – Балацкого и Екимовой [35]). Левая часть баланса представляет собой производительность труда (производящий сектор), а правая – сектор исследований и разработок:

$$\frac{Y_i}{L_i} = \frac{Y_i}{J_i} \cdot \frac{J_i}{G_i} \cdot \frac{G_i}{D_i} \cdot \frac{D_i}{A_i} \cdot \frac{A_i}{H_i} \cdot \frac{H_i}{L_i}, \quad (1)$$

где Y_i – ВВП i -й страны; L_i – численность занятых в экономике i -й страны; J_i – бюджетное (государственное) финансирование науки в i -й стране; G_i – объем внутренних затрат на исследования и разработки i -й страны; A_i – число статей в журналах, индексируемых в Web of Science, i -й страны; D_i – число полученных патентов (юридических документов) резидентами i -й страны (в национальных и зарубежных патентных офисах); H_i – численность исследователей в научном секторе i -й страны.

Данная модель не учитывает специфику образовательного рынка. Во-первых, первоочередной задачей учреждений высшего образования является подготовка студентов. Во-вторых, в целях исследования необходимо рассматривать влияние университета на экономику региона. По словам респондентов, в зависимости от того, на какие направления подготовки

ориентирована образовательная система региона, проявляются положительные качества рабочей силы. И с этим же будет взаимосвязано наличие безработных в регионе. И наоборот, существование целостной системы высшего образования, заточенной на требуемые направления подготовки с учетом региональной специфики рынка труда, устраняет проблему занятости и кадровой потребности предприятий региона.

$$\frac{\text{ВРП}}{L_i} = \frac{\text{ВРП}}{J_i} \cdot \frac{J_i}{G_i} \cdot \frac{G_i}{S} \cdot \frac{S}{\text{НПР}} \cdot \frac{\text{НПР}}{A_i} \times \\ \times \frac{A_i}{\text{Числ. сотр.}} \cdot \frac{\text{Числ. сотр.}}{L_i} \quad (2)$$

где ВРП – ВРП i -го региона; L_i – численность занятых в экономике i -го региона; J_i – бюджетное (государственное) финансирование образовательного учреждения в i -м регионе; G_i – общий бюджет образовательного учреждения; S – количество студентов; НПР – количество научно-педагогических работников (далее – НПР); A_i – численность опубликованных статей в изданиях, входящих в WoS и Scopus; числ. сотр. – численность сотрудников.

Однако существует проблема получения статистических данных в региональном разрезе: панели данных зачастую несопоставимы между собой, так как включают различные наборы показателей. Реорганизация и структурная адаптация опорного многопрофильного вуза ДГТУ продолжается, поэтому сложно оценить, какая доля влияния университета на экономику региона обусловлена увеличением масштаба организации (экстенсивный путь развития), а какая связана с повышением эффективности через снижение транзакционных издержек, оптимизацию организационной структуры и внедрение передовых образовательных технологий (интенсивный путь развития). Например, доходы ДГТУ выросли с 1,56 млрд рублей в 2016 г. до 3,64 млрд рублей в 2018 г., в связи с этим было принято решение, что для определения связи между высшим образованием и экономикой региона мы ограничимся только уже устоявшимся актором высшего образования – ЮФУ (табл. 1).

В модифицированной версии модели левая часть уравнения (2) представляет собой производительность труда ($\text{ВРП}/L$), а множители правой части характеризуют следующие показатели:

Таблица 1
**Показатели экономического развития
Ростовской области и деятельности
Южного федерального университета в 2016–2018 гг.
(в текущих ценах)**
**Table 1. Indicators of economic development
of Rostov oblast and the functioning
of Southern Federal University in 2016–2018
(in current prices)**

Показатель / Indicator	Год / Year		
	2016	2017	2018
Валовой региональный продукт Ростовской области, тыс. руб. / Gross regional product of Rostov oblast, thousand rubles	1 283 748 132	1 347 142 813	1 424 458 900
Среднегодовая численность занятых в экономике, чел. / Average year number of the employed, people	1 968 200	1 958 089	1 935 709
Бюджетное (государственное) финансирование ЮФУ, тыс. руб. / Budget (state) funding of SFU, thousand rubles	3 330 604,6	3 379 023,2	3 822 890,8
Общий бюджет ЮФУ, тыс. руб. / Total budget of SFU, thousand rubles	4 981 108,5	5 000 119,9	5 584 215,6
Численность сотрудников ЮФУ / Number of employees at SFU	5 769	5 576	5 314
Количество научно-педагогических работников ЮФУ / Number of research and teaching staff at SFU	3 047	2 736	2 605
Количество студентов ЮФУ / Number of students at SFU	27 186	24 949	24 702
Статей в Scopus и WoS, опубликованных в ЮФУ за год / Number of SFU articles published in Scopus and WoS in a year	1 353	1 709	1 995

Источник: составлено авторами на основе отчетов ректора ЮФУ за 2016–2018 гг.

Source: compiled by the authors based on SFU Rector's reports of 2016–2018

- индекс затратоотдачи образования ($ВРП/J_i$),
- доля бюджетного финансирования образовательного учреждения (J/G),
- среднее финансирование на одного студента (G/S),
- студентов на одного преподавателя ($S/НПР$),
- преподавателей на одну статью ($НПР/A$),
- статей на сотрудника университета ($A/Числ. сотр.$),

– доля образовательного учреждения в общей занятости региона (Числ. сотр./L).

Анализ индексов модели научно-технического баланса для Ростовской области и Южного федерального университета (табл. 2) показывает, что существуют две противоположные тенденции. С одной стороны, значительно увеличилась нагрузка на преподавателя: повышение публикационной активности (7) на 60 % в журналах, входящих в перечни Scopus и WoS (теперь почти на каждого научно-педагогического работника приходится по одной статье), увеличение количества студентов, приходящихся на одного преподавателя (5), на 0,56 человека. С другой стороны, постепенно снижается доля сотрудников университета в занятости региона (8), несмотря на увеличение финансирования в расчете на одного студента (4). Из-за этого воздействие Южного федерального университета на экономику Ростовской области осталось на том же уровне: эффективность и интенсивность научно-преподавательской деятельности возросли, а количество работников, занятых этой деятельностью, наоборот, снизилось, также снижается количество студентов – будущей высококвалифицированной рабочей силы региона.

В связи с невозможностью адаптации количественных методик анализа транзакционных издержек к исследуемым вузам были собраны эмпирические данные с помощью анонимных полуструктурированных интервью с преподавателями, занимающими управленческие должности в основных вузах Ростовской области [38], и опроса акторов (ППС, администрации и студентов) в форме анкетирования. Лист интервью приведен в Приложении 1, также допускались дополнительные вопросы для уточнения позиции респондентов. Характеристики интервьюируемых отражены в предыдущей работе [36, с. 162–165].

Интервью с акторами реорганизованных вузов показывают, что на практике отсутствует системное понимание реформ, выражаемое в дезорганизации управленческих рутин, разрушении действующих стимулов и мотивации, бюрократизации и затягивании деятельности, что в конечном счете приводит к росту транзакционных издержек. «У нас появилось большое количество промежуточных руководителей, у которых ты должен согласовать и подписать любую бумажку. Увеличилось количество этих звеньев настолько, что порой ты вообще не хочешь этим

Таблица 2

**Показатели модели научно-технического баланса
(2) Ростовской области и Южного федерального
университета**

**Table 2. Indicators of the model of scientific-technological
balance (2) of Rostov oblast and the functioning of
Southern Federal University**

Показатель / Indicator	Год / Year			Прирост показателя по сравнению с 2016 г., % / Growth of the indicator compared to 2016, %
	2016	2017	2018	
Производительность труда в регионе, тыс. руб. на человека (ВРП/L) / Labor productivity in the region, thousand rubles per capita	652,2	687,9	735,8	13
Индекс затратоотдачи образования (ВРП/J) / Index of cost return in education	385,4	398,6	372,6	-3
Доля бюджетного финансирования образовательного учреждения (J/G) / Share of budget funding of an educational establishment	66,8 %	67,5 %	68,4 %	1,6
Среднее финансирование на одного студента (G/S), тыс. руб. / Average funding per student, thousand rubles	183,2	200,4	226,03	23
Студентов на одного преподавателя (S/НПР) / Students per a lecturer	8,92	9,11	9,48	6
Преподавателей на одну статью (НПР/A) / Lectures per one article	2,25	1,6	1,3	-42
Статей на сотрудника университета (A/числ. сотр.) / Articles per one university employee	0,23	0,30	0,37	60
Доля образовательного учреждения в общей занятости региона (числ. сотр./L) / Share of the educational establishment in the total employment in the region	0,29 %	0,28 %	0,27 %	-6

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the authors.

заниматься и тратить на это свою жизнь. При этом сокращают количество преподавателей, мотивируя тем, что это сохранит зарплатный фонд и что он якобы будет поддерживать преподавателей – увеличивать их зарплату, потому что они вот молодцы, хорошо работают, хорошо прошли анкетирование. А на самом деле создают промежуточные руководящие должности с сумасшедшими зарплатами, абсолютно не соответствующими достижениям» (доцент, 37 лет).

Из-за вертикальной интеграции изменений директивными методами возникают неформальные институты, связанные с оппортунистическим поведением. Чередование изменений в формальных и неформальных институтах порождает дезорганизацию и социальную аномию, что идет в разрез с провозглашаемой целью государственной образовательной политики – повышением качества образования и оптимизацией издержек [36, 37]. Значительный временной лаг между принятием решения и первыми полученными результатами для сферы высшего образования и науки составляет не менее 10 лет, поэтому любая реформа высшего образования является долгосрочной. Как к элементу общественного сектора экономики развитых и развивающихся стран, наряду со здравоохранением, к сфере высшего образования применимо понятие «квазирынок», где решающее значение имеют факторы, с трудом поддающиеся количественной оценке, в частности, репутация [39]. На квазирынке услуг высшего образования транзакционные издержки носят неявный характер и вследствие этого практически не поддаются учету.

Анкета «Оценка транзакционных издержек акторов высшего образования» (Приложение 2) состояла из пяти блоков по пять вопросов с вариантами ответов в форме экспертных оценок (от 1 до 5), соответствующих обозначенным ранее категориям транзакционных издержек: поиска информации, ведения переговоров, измерения, прав собственности и оппортунистического поведения для оценки изменения транзакционных издержек акторов образовательного процесса.

В качестве метода сбора данных использовался онлайн-опрос, через платформу *Google Forms* в форме самостоятельного заполнения респондентами анкеты. Ссылка на доступ к анкете распространялась путем формирования неслучайной (целевой) выборки 138 преподавателей, включая административных работников, и 250 студентов вузов Ростовской области. Основной контингент опрошенных респондентов представлен акторами федерального (ЮФУ) и опорного (ДГТУ) университетов.

Ответы респондентов позволили идентифицировать и формализовать их транзакционные издержки. Экспертные оценки были усреднены и переведены в дробные значения от 0 до 1 для каждого вида издержек – чем выше балл, тем значительнее данный вид транзакционных издержек для акторов (табл. 3).

Таблица 3
Соотношение видов транзакционных издержек
акторов высшего образования

Table 3. Correlation of the types of transaction costs
of the actors of higher education

Транзакционные издержки / Transaction costs of	Профессорско-преподавательский состав / Lecturers	Административные работники / Administrative workers	Студенты / Students
Поиска информации / Search of information	0,82	0,64	0,92
Ведения переговоров / Negotiating	0,68	0,77	0,47
Измерения / Measuring	0,41	0,68	0,34
Оппортунистического поведения / Opportunistic behavior	0,67	0,52	0,13
Спецификации прав собственности / Specification of property rights	0,21	0,18	0,14

Источник: данные проведенного анкетирования.

Source: based on the carried our polling.

Для студентов наиболее велики издержки поиска информации – 0,92, в то время как остальные виды транзакционных издержек можно оценить как средние (ведение переговоров – 0,47 и измерение – 0,34) или практически отсутствующие. Для профессорско-преподавательского состава (далее – ППС), как и для студентов, самыми большими являются издержки поиска информации – 0,82, но издержки ведения переговоров и оппортунистического поведения также значительны (0,68 и 0,67 соответственно). Для администрации вузов издержки поиска информации также имеют значение (0,64), но как наиболее высокие оцениваются издержки ведения переговоров (0,77), а издержки измерения – наивысшие из всех групп (0,68).

Представление данных в графической форме (рис. 2) позволяет выделить разницу в оценке транзакционных издержек между административными работниками и ППС. Если для ППС транзакционные издержки связаны с оппортунистическим поведением и поиском информации как элементами стратегии адаптивной рациональности, при которой акторы «склонны к вариативному стратегическому действию в зависи-

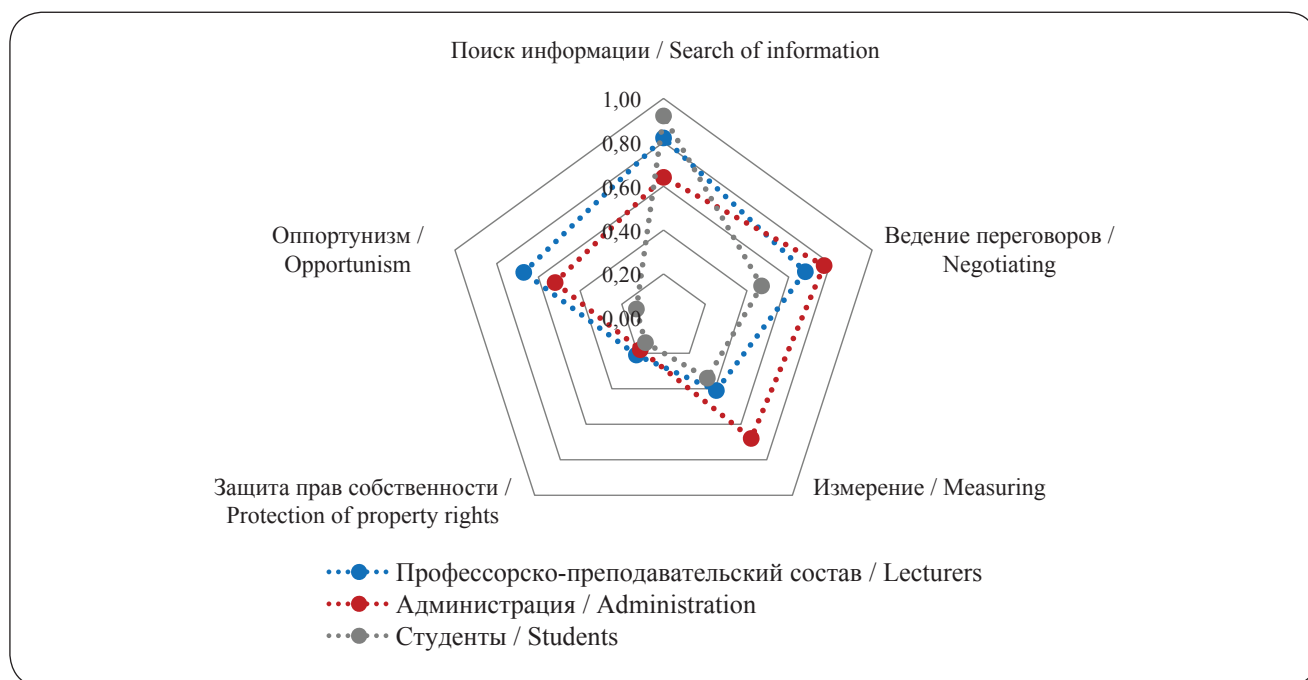

Рис. 2. Соотношение видов транзакционных издержек акторов высшего образования

Источник: составлено автором на основе данных проведенного анкетирования.

Fig. 2. Correlation of the types of transaction costs of the actors of higher education

Source: compiled by the author based on основе данных проведенного анкетирования.

мости от существующих институтов, определяющих возможности и особенности получения и интерпретации информации» [40], то со стороны администрации транзакционные издержки – это проблемы контроля, измерения и оценки деятельности работников.

Примечательно, что все акторы высшего образования отмечают отсутствие издержек по защите прав собственности. Это можно интерпретировать не как признак развитости законодательства и правоприменительной практики по охране патентов и авторских прав, а скорее как отсутствие у ученых и изобретателей прав на интеллектуальную собственность, ведь результаты их научной и методической деятельности по умолчанию отчуждаются в пользу университетов. Также ППС сталкиваются с некорректным заимствованием текстов других авторов как в учебной деятельности со стороны студентов, так и в научно-преподавательской со стороны коллег – при подготовке материалов лекций и семинарских занятий, при написании научных статей, монографий и учебных пособий. На вопрос о причинах развития указанных форм некорректного заимствования в вузах отметили изменение отношения акторов к высшему образованию в целом и падение уровня студентов вследствие результата реформ в средней школе и высшем образовании.

Выводы

Отечественное высшее образование проходит целенаправленную модернизацию и трансформацию в рамках концепции *NPM*. Предпосылками внедрения *NPM* в сферу высшего образования и науки выступает изменение роли государства в экономике и обществе, появление новых моделей социального спроса, глобальных потоков и отношений. В дополнение к данным факторам следует учитывать технологическую компоненту образовательных реформ в рамках развития экономики знаний, в которой раскрывается «третья миссия» университета, а наука и знания становятся приоритетными объектами государственного регулирования. В результа-

те вышесказанного академический капитализм и новый менеджизм являются комплементарными продуктами институциональных изменений в сфере образования.

Одной из форм проявления данных реформ выступает реорганизация вузов, в частности, создание федеральных и опорных вузов в отдельных регионах. Но непрекращающийся процесс реформирования образования нарушает комплементарность формальных и неформальных институтов, ведет к росту транзакционных издержек, что идет в разрез с провозглашаемой целью государственной образовательной политики – повышением качества образования и оптимизацией издержек. В ходе анкетирования и глубинных интервью было выявлено отсутствие понимания акторами вектора образовательных реформ, отражающихся в дезорганизации управленческих иерархий, дестабилизации образовательного процесса, превалировании рутин в деятельности научно-педагогических работников, усилении бюрократизации и росте транзакционных издержек. Порождаемые вертикальным характером реформ формальные институты, направленные на контроль за деятельностью преподавателя и снижение академических свобод, приводят к росту оппортунизма со стороны акторов образования и снижают эффективность университета.

Предложена методика оценки взаимосвязи между институциональными изменениями в реорганизованных вузах Ростовской области (федеральном и опорном) и социально-экономическим развитием региона. Методика оценки влияния институциональных изменений в реорганизованных университетах и социально-экономического развития региона на базе адаптированной модели Балацкого показывает увеличение интенсивности и производительности труда профессорско-преподавательского состава. Выполненные расчеты обосновали взаимосвязь между деятельностью реформированных вузов и индикаторами социально-экономического развития (занятости, ВВП региона, бюджетного финансирования и др.).

Список литературы

1. Hood C. The “new public management” in the 1980s: Variations on a theme // *Accounting, Organizations and Society*. 1995. Vol. 20, № 2–3. Pp. 93–109. DOI: 10.1016/0361-3682(93)е0001-w
2. Osborne S. P. The new public governance? // *Public Management Review*. September 2006. № 8 (3). Pp. 377–387. DOI: 10.1080/14719030600853022
3. Brücker H., Rother N., Schupp J. IAB-BAMF-SOEP-Befragung von Geflüchteten: Überblick und erste Ergebnisse. DIW Berlin: Politikberatung kompakt, 2016. № 116.

4. Ефимов В. С. Университет в ситуации постиндустриального перехода: глобальные тренды и вызовы развития. Университет 4.0 // Современный университет между глобальными вызовами и локальными задачами. VII Международная конференция Российской ассоциации исследователей высшего образования: сб. материалов / под ред. Д. В. Козлова, Н. Г. Малошенок; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
5. Rustin M. The neoliberal university and its alternatives // Soundings. 2016. Vol. 63, № 63. Pp. 147–176. DOI: 10.3898/136266216819377057
6. Alesina A., Giuliano P. Culture and institutions // Journal of Economic Literature. 2015. Vol. 53, № 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898
7. Jensen W. A. Erich Fromm's Contribution to Sociological Theory, Kalamazoo (Printmill), 2017. 236 p.
8. De Boer H. F., Enders J., Schimank U. Comparing higher education governance systems in four European countries // Governance and performance of education systems. Springer, Dordrecht, 2008. Pp. 35–54. DOI: 10.1007/978-1-4020-6446-3_3
9. De Boer H., Enders J., Schimank U. On the way towards new public management? The governance of university systems in England, the Netherlands, Austria, and Germany // New forms of governance in research organizations. Springer, Dordrecht, 2007. Pp. 137–152. DOI: 10.1007/978-1-4020-5831-8_5
10. Bauer M. et al. Sustainability Governance at Universities: Using a Governance Equalizer as a Research Heuristic // Higher Education Policy. 2018. Vol. 31, № 4. Pp. 491–511. DOI: 10.1057/s41307-018-0104-x
11. Enders J., de Boer H., Leišytė L. New public management and the academic profession: The rationalisation of academic work revisited // The changing face of academic life. Palgrave Macmillan, London, 2009. Pp. 36–57. DOI: 10.1057/9780230242166_3
12. Jongbloed B., Enders J., Salerno C. Higher education and its communities: Interconnections, interdependencies and a research agenda // Higher Education. 2008. Vol. 56, № 3. Pp. 303–324. DOI: 10.1007/s10734-008-9128-2
13. Schwab K. The fourth industrial revolution. Currency, 2017.
14. Yusuf S., Nabeshima K. How universities promote economic growth. The World Bank, 2006.
15. Slaughter S., Leslie L. L. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university. The Johns Hopkins University Press, 2715 North Charles Street, Baltimore, MD 21218–4319, 1997.
16. Kagermann H., Lukas W. D., Wahlster W. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution // VDI Nachrichten. 2011. Vol. 13, № 1.
17. O'Reilly T. What is Web 2.0: Design patterns and business models for the next generation of software // Communications & Strategies. 2007. № 1. P. 17.
18. Teece D. J. Capturing value from knowledge assets: The new economy, markets for know-how, and intangible assets // California Management Review. 1998. Vol. 40, № 3. Pp. 55–79. DOI: 10.2307/41165943
19. Porat M. U. The information economy: definition and measurement. 1977.
20. Tapscott D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill, 1996. 342 p.
21. Kuznets S. S. et al. Economic growth of nations. 1971.
22. Etzkowitz H. et al. The future of the university and the university of the future: evolution of ivory tower to entrepreneurial paradigm // Research Policy. 2000. Vol. 29, № 2. Pp. 313–330. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00069-4
23. Schultz T. W. Education and Productivity. 1971.
24. Denison E. F. Trends in American Economic Growth 1929–1982. Washington: The Brooking Institution, 1985, XXV + 141 p.
25. Maddison A. A long-run perspective on saving // The Scandinavian Journal of Economics. 1992. Vol. 2, № 2. Pp. 181–196. DOI: 10.2307/3440445
26. Romer P. M. Increasing returns and long-run growth // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94, № 5. Pp. 1002–1037. DOI: 10.1086/261420
27. Lucas Jr. R. E. On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22, № 1. Pp. 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7
28. Barro R. J. Government spending in a simple model of endogenous growth // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, № 5. Part 2. Pp. S103–S125. DOI: 10.1086/261726
29. Autor D. H., Katz L. F., Krueger A. B. Computing inequality: have computers changed the labor market? // The Quarterly Journal of Economics. 1998. Vol. 113, № 4. Pp. 1169–1213. DOI: 10.1162/003355398555874
30. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ., вступ. ст. С. Т. Сорокиной, общ. ред. В. В. Мотылева. М.: Прогресс, 1984.
31. Веблен Т. Инженеры и ценовая система. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
32. Медушевский Н. А., Перфильева О. В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2016. № 3 (5). С. 19–31. DOI: 10.28995/2073-6339-2016-3-19-31

33. Национальные модели технологического развития: сравнительный анализ / Е. В. Балацкий, С. Е. Ушакова, В. А. Малахов, М. А. Юревич // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2017. Т. 9, № 4. С. 37–51. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.037-051
34. Балацкий Е. В., Юревич М. А. Прогнозирование эффективности российской экономики на основе научно-технологического баланса // *Наука. Инновации. Образование*. 2018. № 2 (28).
35. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Российская модель сопряжения академической результативности и образовательного потенциала регионов // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2017. Т. 73, № 5. DOI: 10.29141/2073-1019-2017-17-5-9
36. Вольчик В. В., Савко П. О., Маскаев А. И. Комплементарность институциональных и организационных изменений в контексте реорганизации вузов // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2018. Т. 10, № 4. С. 156–172. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.156-172
37. Жук А. А. Изменения организационных механизмов сферы высшего образования: анализ институциональной комплементарности // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 10, № 4. С. 205–213. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.4.205-213
38. Трансакционные издержки в высшем образовании в контексте организационных и институциональных изменений / В. В. Вольчик, П. О. Савко, М. А. Корытцев, А. А. Оганесян, А. И. Маскаев // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9, № 3. С. 57–68. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.3.057-068
39. Вольчик В. В., Жук А. А., Корытцев М. А. Конкурентная среда рынка высшего образования Ростовской области // *Terra Economicus*. 2017. Т. 15, № 3. С. 178–196.
40. Вольчик В. В., Зотова Т. А. Адаптивная рациональность и экономическое поведение в эволюционном контексте // *Terra Economicus*. 2011. Т. 9, № 4. С. 54–64.
41. Pillar Universities in Russia: The Rise of “the Second Wave” / Т. Lisitskaya, P. Taranov, E. Ugnich, V. Pisyakov // arXiv preprint arXiv: 1809.00248, 2018.

References

1. Hood C. The “new public management” in the 1980s: Variations on a theme, *Accounting, Organizations and Society*, 1995, Vol. 20, No. 2–3, pp. 93–109. DOI: 10.1016/0361-3682(93)e0001-w
2. Osborne S. P. The new public governance?, *Public Management Review*, September 2006, No. 8 (3), pp. 377–387. DOI: 10.1080/14719030600853022
3. Brücker H., Rother N., Schupp J. *IAB-BAMF-SOEP-Befragung von Geflüchteten: Überblick und erste Ergebnisse*, DIW Berlin, Politikberatung kompakt, 2016, No. 116.
4. Efimov V. S. University under post-industrial transition: global trends and challenges of development. University 4.0, *Modern university between global challenges and local tasks. 7th International conference of the Russian Association of researchers of higher education*, collection of works, ed. D. V. Kozlov, N. G. Maloshonok; Nats. issled. un-t “Vysshaya shkola ekonomiki”, In-t obrazovaniya, Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016 (in Russ.).
5. Rustin M. The neoliberal university and its alternatives, *Soundings*, 2016, Vol. 63, No. 63, pp. 147–176. DOI: 10.3898/136266216819377057
6. Alesina A., Giuliano P. Culture and institutions, *Journal of Economic Literature*, 2015, Vol. 53, No. 4, pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898
7. Jensen W. A. *Erich Fromm's Contribution to Sociological Theory*, Kalamazoo (Printmill), 2017, 236 p.
8. De Boer H. F., Enders J., Schimank U. Comparing higher education governance systems in four European countries, *Governance and performance of education systems*, Springer, Dordrecht, 2008, pp. 35–54. DOI: 10.1007/978-1-4020-6446-3_3
9. De Boer H., Enders J., Schimank U. On the way towards new public management? The governance of university systems in England, the Netherlands, Austria, and Germany, *New forms of governance in research organizations*, Springer, Dordrecht, 2007, pp. 137–152. DOI: 10.1007/978-1-4020-5831-8_5
10. Bauer M. et al. Sustainability Governance at Universities: Using a Governance Equalizer as a Research Heuristic, *Higher Education Policy*, 2018, Vol. 31, No. 4, pp. 491–511. DOI: 10.1057/s41307-018-0104-x
11. Enders J., de Boer H., Leišytė L. New public management and the academic profession: The rationalisation of academic work revisited, *The changing face of academic life*, Palgrave Macmillan, London, 2009, pp. 36–57. DOI: 10.1057/9780230242166_3
12. Jongbloed B., Enders J., Salerno C. Higher education and its communities: Interconnections, interdependencies and a research agenda, *Higher Education*, 2008, Vol. 56, No. 3, pp. 303–324. DOI: 10.1007/s10734-008-9128-2
13. Schwab K. *The fourth industrial revolution*, Currency, 2017.
14. Yusuf S., Nabeshima K. *How universities promote economic growth*, The World Bank, 2006.

15. Slaughter S., Leslie L. L. *Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university*, The Johns Hopkins University Press, 2715 North Charles Street, Baltimore, MD 21218–4319, 1997.
16. Kagermann H., Lukas W. D., Wahlster W. *Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution*, *VDI Nachrichten*, 2011, Vol. 13, No. 1.
17. O'Reilly T. What is Web 2.0: Design patterns and business models for the next generation of software, *Communications & Strategies*, 2007, No. 1, p. 17.
18. Teece D. J. Capturing value from knowledge assets: The new economy, markets for know-how, and intangible assets, *California Management Review*, 1998, Vol. 40, No. 3, pp. 55–79. DOI: 10.2307/41165943
19. Porat M. U. *The information economy: definition and measurement*, 1977.
20. Tapscott D. *The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence*, New York, McGraw-Hill, 1996, 342 p.
21. Kuznets S. S. et al. *Economic growth of nations*, 1971.
22. Etzkowitz H. et al. The future of the university and the university of the future: evolution of ivory tower to entrepreneurial paradigm, *Research Policy*, 2000, Vol. 29, No. 2, pp. 313–330. DOI: 10.1016/s0048-7333(99)00069-4
23. Schultz T. W. *Education and Productivity*, 1971.
24. Denison E. F. *Trends in American Economic Growth 1929–1982*, Washington, The Brookings Institution, 1985, XXV + 141 p.
25. Maddison A. A long-run perspective on saving, *The Scandinavian Journal of Economics*, 1992, Vol. 2, No. 2, pp. 181–196. DOI: 10.2307/3440445
26. Romer P. M. Increasing returns and long-run growth, *Journal of Political Economy*, 1986, Vol. 94, No. 5, pp. 1002–1037. DOI: 10.1086/261420
27. Lucas Jr. R. E. On the mechanics of economic development, *Journal of Monetary Economics*, 1988, Vol. 22, No. 1, pp. 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7
28. Barro R. J. Government spending in a simple model of endogenous growth, *Journal of Political Economy*, 1990, Vol. 98, No. 5, part 2, pp. S103–S125. DOI: 10.1086/261726
29. Autor D. H., Katz L. F., Krueger A. B. Computing inequality: have computers changed the labor market?, *The Quarterly Journal of Economics*, 1998, Vol. 113, No. 4, pp. 1169–1213. DOI: 10.1162/003355398555874
30. Veblen Th. *The theory of Leisure Class*, ed. V. V. Motylev, Moscow, Progress, 1984 (in Russ.).
31. Veblen Th. *The engineers and the price system*, Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018 (in Russ.).
32. Medushevskii N. A., Perfil'eva O. V. Contemporary Interpretation of the Universities' Third Role at Present, *Vestnik RGGU, Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 3 (5), pp. 19–31 (in Russ.). DOI: 10.28995/2073-6339-2016-3-19-31
33. Balatskii E. V., Ushakova S. E., Malakhov V. A., Yurevich M. A. National Models of Technological Development: a Comparative Analysis, *Journal of Institutional Studies*, 2017, Vol. 9, No. 4, pp. 37–51 (in Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.037-051
34. Balatskii E. V., Yurevich M. A. Forecasting the efficiency of the Russian economy based on scientific-technological balance, *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, 2018, No. 2 (28) (in Russ.).
35. Balatskii E. V., Ekimova N. A. Russian Model of Pairing Academic Performance and Educational Potential of Regions, *Journal of the Ural State University of Economics*, 2017, Vol. 73, No. 5 (in Russ.). DOI: 10.29141/2073-1019-2017-17-5-9
36. Vol'chik V. V., Savko P. O., Maskaev A. I. Complementarities Between Institutional and Organizational Change in the Context of Academic Reorganization, *Journal of Institutional Studies*, 2018, Vol. 10, No. 4, pp. 156–172 (in Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.156-172
37. Zhuk A. A. Reshaping Organizational Mechanisms in Higher Education: Analysis of Institutional Complementarity, *Journal of Economic Regulation*, 2018, Vol. 10, No. 4, pp. 205–213 (in Russ.). DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.4.205-213
38. Vol'chik V. V., Savko P. O., Koryttsev M. A., Oganessian A. A., Maskaev A. I. Transactional Costs in Higher Education in the Context of the Organizational and Institutional Changes, *Journal of Economic Regulation*, 2018, Vol. 9, No. 3, pp. 57–68 (in Russ.). DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.3.057-068
39. Vol'chik V. V., Zhuk A. A., Koryttsev M. A. Competitive environment of the market of higher education of Rostov oblast, *Terra Economicus*, 2017, Vol. 15, No. 3, pp. 178–196 (in Russ.).
40. Vol'chik V. V., Zotova T. A. Adaptive rationality and economic behavior in evolutionary context, *Terra Economicus*, 2011, Vol. 9, No. 4, pp. 54–64 (in Russ.).
41. Lisitskaya T., Taranov P., Ugnich E., Pisyakov V. *Pillar Universities in Russia: The Rise of "the Second Wave"*, arXiv preprint arXiv: 1809.00248, 2018.

ЛИСТ ИНТЕРВЬЮ

(Проект 26.6124.2017/БЧ «Идентификация институтов и организационных механизмов слияния вузов в контексте социально-экономического развития региона»)

1. Существует ли связь между реформой образования и функционированием экономики региона? В чем, на ваш взгляд, эта связь выражается?
2. Какие из индикаторов социально-экономического развития региона вы бы могли напрямую связать с политикой, проводимой в сфере высшего образования, и почему?
3. Какие из приоритетных (острых) социально-экономических проблем нашего региона, на ваш взгляд, могут быть решены посредством направленной (таргетированной) политики в области высшего образования?
4. Присутствует ли конкуренция между вузами региона? Если присутствует, то какие особенности конкуренции между вузами региона вы могли бы выделить?
5. Как вы понимаете политику государства в сфере высшего образования? Какие элементы этой политики наиболее проявились в вашем вузе? При возможности проиллюстрируйте, пожалуйста, свой ответ историями из вашей практики.
6. На основании вашего опыта, какие положительные/отрицательные тенденции развития вуза вы могли бы назвать?
7. Как указанные вами особенности функционирования вуза отражаются на региональном развитии? Какие из индикаторов социально-экономического развития региона, на ваш взгляд, находятся в прямой (и/или косвенной) зависимости от данных процессов и почему?
8. Дайте, пожалуйста, вашу оценку положительных и отрицательных моментов, связанных с произошедшим объединением вузов. Отразилось ли объединение вузов на вашей профессиональной деятельности?
9. Какая степень академических свобод в вашем вузе и как они влияют на вашу повседневную работу?
10. С какими наиболее значимыми новыми правилами (регламентами, нормативными актами, практиками, поведенческими шаблонами) связаны изменения?

АНКЕТА

Оценка трансакционных издержек акторов высшего образования (Проект 26.6124.2017/БЧ «Идентификация институтов и организационных механизмов слияния вузов в контексте социально-экономического развития региона»)

I. Издержки поиска информации

1. Как вы оцениваете оперативность информационного оповещения об официальных документах, приказах и распоряжениях в вашем вузе?
2. Как вы оцениваете оперативность информационного оповещения о проведении научно-образовательных мероприятий в вашем вузе (конференций, симпозиумов, форумов, мастер-классов, тематических семинаров и др.)?
3. Как часто вы сталкиваетесь со следующими материально-техническими проблемами в образовательном процессе, которые связаны с тратой дополнительного времени: – не функционирует оборудование, – проблемы с учебной аудиторией, – вуз не оплатил доступ к базе научного цитирования, – другое (пожалуйста, укажите, что именно)
4. Как часто вы сталкиваетесь с искаженной в процессе оповещения информацией?
5. Как изменились ваши затраты на поиск необходимой информации в вузе за последние пять лет?

II. Издержки ведения переговоров

1. Как вы оцениваете уровень бюрократизации в вашем вузе?
2. Как часто вы сталкиваетесь с проблемами дополнительного согласования, подписания, разрешения и т. п. в процессе вашей научно-педагогической работы в вузе?
3. Как часто вы посещаете другие структурные подразделения вашего вуза по бюрократическим вопросам?
4. Как вы оцениваете уровень переговоров и взаимодействия между вашим и другими структурными подразделениями вашего вуза?
5. Как часто вы вынуждены актуализировать документы образовательных программ, например, переоформлять, переподписывать рабочую программу дисциплины и т. п.?

III. Издержки измерения

1. Как вы относитесь к системе оценки деятельности ППС в вашем вузе?
2. Как вы относитесь к системе оценки трудовой/рабочей деятельности научных сотрудников?
3. Насколько справедлив, по вашему мнению, персональный рейтинг при определении дополнительных выплат сотрудникам?
4. Как вы относитесь к системам оценки деятельности студентов в вашем вузе?
5. Насколько справедлив, по вашему мнению, персональный рейтинг студента при определении увеличенной стипендии?

IV. Издержки спецификации прав собственности

1. Как вы оцениваете борьбу с некорректным заимствованием в вашем вузе?
2. Как часто вы сталкиваетесь с некорректным заимствованием в работах студентов (выпускная квалификационная работа, эссе, курсовые проекты и т. д.)?
3. Как часто вы сталкиваетесь с некорректным заимствованием при написании научных статей?
4. Как часто вы сталкиваетесь с некорректным заимствованием при подготовке материалов лекций и семинарских занятий?
5. Оцените защищенность прав собственности на продукты своей интеллектуальной деятельности.

V. Издержки оппортунистического поведения

1. Как часто вы тратите дополнительное время из-за невыполнения нормативов в установленное время?
2. Как часто вы делаете дополнительную работу из-за невыполнения коллегами трудовых обязанностей?
3. Как часто вы сталкивались с завышением достигнутых показателей?
4. Как часто вы задерживаетесь на работе из-за внеплановых заданий и поручений?
5. Как часто вы опаздываете на работу/начало занятия?

Дата поступления / Received 26.09.2019

Дата принятия в печать / Accepted 30.11.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2019

© Маскаев А. И., Савко П. О., 2019

© Maskaev A. I., Savko P. O., 2019